

тенденции

Шутки и шуточки

ИСКУССТВО

Современное искусство принято обвинять в цинизме и безразличности. Но на все упреки художники предпочитают отвечать настойчивой критикой общественных установок. Наиболее беспристрастным способом высказать свое пренебрежение общественному порядку, а заодно и привлечь внимание к себе является черный юмор. Вот зрителя и вынуждают улыбаться по совершенно нежелательному поводу. Рассуждает ИГОРЬ ГРЕБЕЛЬНИКОВ.

Еще в 1985 году соц-артист Александр Косолапов понял, куда движется мировая история. «McLenin»

Помесь смешного с ужасным провокативна, трудно предсказать реакцию публики на это художественное средство. И хотя некоторые критики и прогнозируют скорую смену художественного климата на более умеренный, в искусстве сегодня по-прежнему очень модно быть провокативным. Это доказывает скандально известная работа британца Маурицио Каттелана (Maurizio Cattelan), эло пофантазировавшего на модную тему «божьи избранники». Каттелан изобразил папу римского, придавленного метеоритом, с разбросанным вокруг битым стеклом. Проект стал одним из самых эффектных на выставке Arosalypse в

салурсе заставившие мир говорить о новой волне в «модном британском искусстве».

Но британцам далеко до черного юмора в представлении российских художников. Скажем, известный «Исламский проект» группы АЕС (Татьяна Арзамасова, Лев Евзович, Евгений Святский) теперь можно назвать самым злободневным. Он был представлен еще в 1992 году как «шутка» на тему, что будет, если к власти в мире придут исламские фундаменталисты. Серия знаменитых фотоколлажей включает статую Свободы под паранджой и с Кораном в руке; дымящийся Кремль под зеленым исламским флагом, сменивший храмы на минареты; Рейхстаг с характерными куполами и полумесяцами; аналогичные Бобур, Нотр-Дам де Пари, музей Гугенхайма и прочие знакомые постройки.

Десять лет назад этому лишь поубавились (только музейщики и галеристы оценили работу по достоинству). Но последние 11 сентября художественная ценность «Исламского проекта» фантастически выросла. Теперь художников группы АЕС называют чуть ли не пророками — а они попросту довели до абсурдного конца одну из расхожих идей. И все же проект АЕС представляется пугающе логичным. Пошутили, называется!

Религиозная тематика в силу своей потенциальной провокативности, пожалуй, самая любимая для виртуозов художественного черного юмора. Но далеко не единственная. Художники откликаются на любые злободневные темы. Например, выборы президента России, совпавшие с контртеррористической операцией в Чечне, сделали модной тему патриотизма. Московская художница Екатерина Бурова тут же соорудила объект «Игра для патриота» и предложила всем желающим пострелять из игрушечного автомата по фигуркам представителей разных национальностей. Первого нацмена зритель выбирал сам, покрыв барaban с фигурками. Следующая жертва появлялась уже независимо от патриотической воли: расстрелял кавказца — будь добр, по хохлу пальни. И так пока не опустеет магазин. В общем, по-настоящему (читай: по-черному) смешно.

Гораздо «смешнее» оказался другой интерактивный объект выставки. Художница Елена Ковылина на туалетке, с петлей на шее, табличкой «Сделай сам» и аккуратной стрелкой, указующей на табуретку. Минут сорок она молча ждала реакции, но публика лишь растерянно улыбалась. Увы, желаясь поучаствовать в «увеселительном» проекте так и не нашлось.

«Мы очень светло шутим, но получается грустно и мрачно»

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Свое черное дело команда телепрограммы «Тушите свет!» делает регулярно. Привычные маски Хрюши и Степашки превращены в окровавленные рожи Хрюна и Степана, цинично комментирующих все горячие новости. При этом текст комментариев настолько злободневен, что даже те, кто не выносит наглого вида главных героев современного ТВ, слушают программу в радиоверсии. Причину такой популярности корреспонденту «Ъ» ЛИЗЕ НОВИКОВОЙ сообщила разъяренная ее создатели и авторы сценариев РОСТИСЛАВ КРИВИЦКИЙ, ВЛАДИМИР НЕКЛЮДОВ, АЛЕКСЕЙ КАРАНОВИЧ, ИГОРЬ ОСИПОВ, АЛЕКСАНДР ДАГАН и ЮРИЙ ИСАКОВ.

— Не стыдно паразитировать на «Спокойной ночи»?

— Конечно, есть небольшой процент паразитизма на Хрюше и Степашке. Все привыкли, что каждый вечер они приходят к детям и рассказывают, где не переходить дорогу, какие пижамы не есть... Но наши персонажи не являются их родственниками. Просто жанр обзывае-ет, чтобы были свинья и кролик.

Ценные мысли всегда достаются работе Хрюну — любимцу народа, нахально ведущему себя нелояльно

— И кто из персонажей вам ближе?

— Трудно сказать. У каждого свой. Кому-то дорог Хрюн. Кому-то Филипп — корреспондент-агоголик, который ищет и всегда находит опасности на пустом месте. Как-то на гастролях в провинции нам сказали: «Ну, Степан, понятное дело, умный еврей, а русский народ опять

Черные мысли героям программы «Тушите свет!» внушают ее авторы (слева направо) Владимир Неклюдов, Игорь Осипов, Ростислав Кривичский, Александр Даган и Алексей Исаков

свиней сделали! Почему-то еврей-заяц никого не удивляет. Как и то, что ценные мысли всегда достаются Хрюну. Степан, к сожалению, вынужденно поставлен в позицию конформистскую, более трусливую. Поэтому Степан плохо воспринимает, и явный любимец народа — Хрюн. Это при том, что среди нас нет ни одного пролетария, подобно Хрюну, ведущего себя нелояльно. Все более или менее интеллигентны.

— Так устройте Степану «прорыв»!

— А Степан вовсе не на вторых ролях. И это особенно заметно, когда его озвучивает Колган. Вообще в «Тушите свет!» действует система «гол-пас». Гол забивает Хрюн, но пас всегда должен дать Степан. Он делает это очень точно и красиво: молчит, молчит и вдруг как выдает! — Откуда берется злободневная информация?

— Из интернета и газет. Например, очень помогает понедельничный выпуск «Коммерсанта», где кратко говорится о всей будущей неделе. Раньше канал попросил помощи у аналитиков. Но они вначале готовили абсолютно неуместные вещи, а потом и вовсе отказались:

мол, ребята, вы же сами класные аналитики, вот и делайте все сами! Мы и делаем. Жаль только, что в программе можно затрагивать только те темы, которые волнуют лишь значительную часть населения. — А есть закрытые темы? — Нет. Мы говорили и про «Курс», и про Ту-154. Правда, в передаче могут не войти некоторые фразы: например, «террористы были задержаны по отпечаткам самолетов». Черный юмор часто остается за кадром. Вот если бы Хрюн Степану голову отрубил или по-точно бил бы его по морде...

Интеллигент Степан вынужденно поставлен в позицию конформистскую, более трусливую

В сериале про Тома и Джерри есть гораздо хуже вещи: бедного кота то назизнанку выворачивают, то зубы ему выбивают. У нас такого нет. Мы очень светло шутим, но получается грустно и мрачно. Так, в одной программе про пенсионное обеспечение говорилось, что «до кладбища надо провести линию метро, даже без выхода на поверхность» — и она не пошла в эфир из соображений политкорректности. Хотя по шутуре мы прошлись по полной программе. Мы даже думали спрятать свой сайт и включать туда все наши «нелюбви».

Но есть вещи, на которые никто не обращает внимания. Например, однажды у нас прозвучала такая фраза: «Дети ветеранов стали родителями фашистов». Оценил один Шендерович, а для народа это осталось незамеченным. Зато когда Хрюн «Комсомольской правдой» попу вытирает, всем смешно.

— На программу часто обижаются?

— Бывает. Вот обсудили Хрюн со Степаном Московский кинофестиваль, и Михаил с Ново-жезовым здороваться перестал.

«Чернуха» с точки зрения художников

Сергей Шувов:

— Черный юмор — это академическая сфера деятельности, древняя, старая. И отсчет надо вести с начала сюрреализма, ничевоков. Но это не мейнстрим, это вечное. Удачные вещи входят сразу в анналы искусства. Для меня воплощение черного юмора — стихи Олега Григорьева: «Маленькая девочка в кустах лежит нагой. Другой бы изнасиловал, а я лишь пнул ногой» или «Маленький мальчик нашел пулемет...». Веселый философ и самый веселый классик, которого я знаю. Его стихи вошли в фольклор, их рассказывают друг другу даже дети. Хотя следует проводить различие между страшилками и черным юмором. Страшилки — это «черная рука» или «черная простыня». Дети, когда рассказывают про голых баб,

которые по небу летят, воспринимают это как традицию страшилок, готических сказок. Вспомните Ивана Во или, скажем, «Темную лошину». Но черный юмор — веселый юмор.

Айдан Салахова:

— С точки зрения искусства черный юмор — инструмент, с помощью которого художник работает. Хороший пример — Клоун Латышев. У него есть замечательные работы. Скажем, один мужик душит другого, все изображено яркими красками, а внизу текст: «А где остальные деньги?». Обыкновенный текст. Но в абсурдном сочетании с изображением он создает эффект черного юмора.

Олег Кулик:

— Черный юмор — сердцевина современного искусства. Если в работе нет черного юмора, она консервативна и не-

современна. По-моему, черный юмор прикрывает сентиментальность, чувствительность и мягкость — современный человек не может быть таким, иначе его примут за идиота! Черный юмор — это когда человек мужественно преодолевает несчастье. Например, английские источники сохранили шутки палачей и их жертв. Тот, кого вели на эшафот, мог сказать: «Что-то у меня в последнее время голова заболела». Это воистинно современному человеку. И за это его следует уважать. Например, Тарантино с его черным юмором — режиссер современный. Кстати, черный юмор — часто юмор людей, которых травил и линала власть и которым запрещалось выражать собственный мир. Это юмор на обочине. Но сейчас он, конечно, мейнстрим. Сегодня на обочине как раз белый юмор — юмор президентов. Засланный и добрый до тупости.

Черная комната, белая простыня

КИНО

На РТР будут вновь в течение полугода крутить «Твин Пикс» Дэвида Линча (David Lynch). Сериал стал уже экранной классикой конца XX века и вместе с фильмами «Деликатесы» Каро и Жене, «От заката до рассвета» Родригеса, «Фарго» братьев Кознов обозначил триумф кинематографического черного юмора. Однако только неопиты полагают, что экансия черного юмора начинается и кончается тогда, когда агент Купер выковыривает из-под ногтя почившей Лоры Палмер микроскопические буквы таинственной записки... О черном юморе в кино — АНДРЕЙ ПЛАХОВ.

Многие давно обратили внимание, что самые жестокие моменты у Хичкока всегда вызывают смех

Еще в детско-отроческую эпоху Великого Немого киноюмор надел чернотой. Беззаботные глг ранних комиков (политый поливальщик, торты со взбитыми сливками, летящие в кого ни попадя) довольно скоро уступают место совсем другим шуточкам. Неудивительно: на дворе — не знающий пошадиза XX век. Даже знаменитый эзентштейновский аттракцион из «Броненосца „Потемкин“» (коляска с ребенком, несущаяся вниз по одесской лестнице) не лишен отзвука мрачного похотываенья («люблю смотреть, как умирают дети» — любимый мотив революционно-го авангарда) и пародируется в бесчисленных фильмах. Как и червивое мясо, ставшее причиной матросского бунта.

А знаменитый «Андалусский пес» Луиса Бунюэля (Luis Buñuel) Женский глаз, разрезаемый бритвой (на самом деле на крупном плане резали личный белок), — это сюрреалистическая антибукузияная провокация, призванная вызвать нервный смех публики над собственной чувствительностью. Впоследствии Бунюэль преуспел в области черных эротических комедий, к числу которых можно отнести и «Скромное обаяние буржуазии» и «Дневную красавицу», и даже мрачную «Тристан», где юная Катрин Денев (Catherine Deneuve) играет безнозую мстительницу. По свидетельству актрисы, шутник Бунюэль, встретив ее в аэропорту, тут же повез в приморское ортопедо и заставил мерить приготовленный протез.

Наследники Бунюэля по части черного юмора стали частыми испанскими режиссерами. И самый известный среди них — Педро Альмодовар (Pedro Almodovar). В последней его картине «Все о моей матери» он заставляет Пенелопу Круз (Penelope Cruz) забеременеть от большого СПИДом трансвестита, родить и отправить вместе с папашей на тот свет. И все это показано и рассказано чрезвычайно весело!

Другой наследник Бунюэля был итальянцем, и звали его Марко Феррери (Marco Ferreri). «Большая жратва», герои которой поигнбайт от обжорства в собственных экскрементах, — непревзойденный образец жестокой иронии. В итальянском кино есть и другие, менее известные — например, старушка Лина Вертмюллер (Lina Wertmüller), а из более молодых —

сицилийцы Чипри и Мареско (Cipri & Maresco). Самым знаменитым образчик итальянского черного юмора — фильм Роберто Бенини (Roberto Benigni) «Жизнь прекрасна»: поистине только большой талантliche способен решить в жанре комедии тему каннибализма и холокоста. Впрочем, о том, что смерть и юмор — понятия в принципе совместные, свидетельствует огромное число военных комедий, лучшая из которых — «Полевая армейский госпиталь» Роберта Олтмана (Robert Altman). А также фильмом, действие которых разыгрывается в больнице, начиная от древнего «Мистера Питкина» до «Королевства» Ларса фон Триера (Lars von Trier).

Принято считать, что родина черного юмора — Англия. Как ни странно, но она дала не так уж много его первоклассных кинообразцов. Нужно, конечно, вспомнить группу британских экцентриков («Монти Пайтон», породившую и кинорежиссера Терри Гильяма (Terry Gilliam), автора знаменитой «Бразилии»). И киносатиру Линдсея Андерсона (Lindsay Anderson) «О, счастливы!» — редкий образец западной в чичкоковских «Птицах») играет эманипированную женщину, нарожающую кулу детей, отправившую мужа на тот свет и ставшую голливудской звездой. Характерно, что голову убитого она, явно из сентиментальных чувств, носит в шляпной коробке; симпатии автора целиком на стороне очаровательной убицы.

Своя струя черного юмора не иссякает и во Франции. Назовем прошитые показным цинизмом «Холодные закуски» Бертрана Блие (Bertrand Blier) и канны-бальский кинокомик «Деликатесы» Марка Коро (Marc Caro) и Жан-Пьера Жене (Jean-Pierre Jeunet), а также «Крысиный Франко Озона (Francois Ozon). Последний перекликается с фильмами датской Догмы, в частности, с «Семейным празд-

ся, когда по улице проходит какая-нибудь нелепая старушонка или человек в сером плаще.

Кинематограф конца века довел заветы мэтра ужасов до полной кондиции. Все больше смешных ужастиков и мрачных комедий типа «Факультета» Роберта Родригеса (Robert Rodriguez). Асами в этом новом жанре надо признать братьев Кознов (Joel, Ethan Coen). Их фильм-дебют «Просто кровь» — один из первых образцов свирепой расправы над жанром «святой святых Голливуда». Черная свое вдохновение из романов в фильмах черной серии, братья одновременно иронизируют над ними и ими восхищаются. В фильме Кознов «Бартон Финкс» самым симпатичным персонажем оказывается добродушный толстяк с пьюрком виски — несмотря на то, что он оборачивается убийцей-маньяком и носит с собой коробку размером в человеческую голову.

А совсем недавно в роли режиссера дебютировал Антонио Бандерас (Antonio Banderas) фильмом «Безумие в Анабаме». Мелани Гриффит (Melanie Griffith, кстати, дочь Тippi Хедрен (Tippi Hedren), некогда блиставшей в чичкоковских «Птицах») играет эманипированную женщину, нарожающую кулу детей, отправившую мужа на тот свет и ставшую голливудской звездой. Характерно, что голову убитого она, явно из сентиментальных чувств, носит в шляпной коробке; симпатии автора целиком на стороне очаровательной убицы.

Своя струя черного юмора не иссякает и во Франции. Назовем прошитые показным цинизмом «Холодные закуски» Бертрана Блие (Bertrand Blier) и канны-бальский кинокомик «Деликатесы» Марка Коро (Marc Caro) и Жан-Пьера Жене (Jean-Pierre Jeunet), а также «Крысиный Франко Озона (Francois Ozon). Последний перекликается с фильмами датской Догмы, в частности, с «Семейным празд-

Французы обожают черный юмор. Особенно замешанный на сексе и естестве. И это со всей очевидностью демонстрируют популярные телетелепередачи, аналогичные которым в последнее время появились на российском ТВ. Рассказывает ВИКТОРИЯ САРКИНА.

Любовь к чернухе породила во Франции очередную моду. Сегодня всевозможные ток-шоу завлекают зрителей не количеством приглашенных в студию звезд и политиков, а обилием в программе юмора, в том числе черного. Практически все программы приглашают в качестве соведущих профессиональных шутиков. В их обязанности входит зло остричь и отпустить по поводу и без черные шутки. Утверждают, что таким образом руководители каналов надеются поднять существенно упавшие рейтинги популярных телеведущих, пострадавших из-за любви к специфическим

Темные пятна истории музыки

МУЗЫКА

Делить музыку на белую и черную в наше время могут только расисты. Причем черные расисты. Музыка афроамериканцев, или афроамериканского происхождения, или африканского происхождения, или темнокожих, или... Словом, негритянская музыка, темпераментная, агрессивная, горячая и вызывающе-сексуальная, сегодня нравится не только черным и в большинстве своем звучит для всех. Даже если кто-то все еще пытается настаивать на ее принадлежности к черной музыке — ВАДИМ ЯСНОГОРСКИЙ.

Как ни крути, но всю поп-музыку придумали черные. Толсто-да-дочь викингов крутит кормой и трясет бесцельными патлами, небритый итальянец вьет трусту, больше сканируя особей женского пола, чем отдавая музыке, раскрашенный то-кийский неформал в джинсах,

от которых остались только швы, кричит: «Рок-н-ролл, давай!» Все, под что обычно бьется в танце мир, родом из негритянской музыки.

Когда-то консервативная публика ненавидела молодого Элвиса Пресли (Elvis Presley): мол, поет, как негр, и неспристой выхлест бедрами. Мне кажется, ему просто завидовали. И особенно раздражал он перерзлых ловеласов, озобоченных тем, что под Пресли была готова стелиться добрая половина красоток страны. И чем больше тот выхлест бедрами, тем больше девушек падало в обмороки на его концертах, в то время как ярым поклонникам «белых» мелодий зачастую оставалось лишь да-вать от злобы. Да отлеле-вать в танцплощадке, где не на есть черные танцы. На черный манер.

Рок-н-ролл? Чернее не бывает. Если не верите мне, то спросите у монстров жанра. Как, например, познакомились Кит Ричардс (Keith Richards) и Мик Джаггер (Mick Jagger)? На пригородной платформе без пригори Ричардс (тогда еще мо-

буквы «с» в конце — ее он до-бавил к фамилии чуть позже, дабы фаны ни в коем случае не путали его с попсовиком Клиффом Ричардом. (Cliff Richard) разглядывал свои любимые пластинки. Рядом присел Джаггер и тоже стал рассматривать пластинки. Да так пристально, что Ричардс вскрипел: мои пластинки, не смей! Джаггер в ответ съязвил: мол, не очень-то и хотелось, своих пластинок дома завалишь и, между прочим, куда больше половины красоток страны. И чем больше тот выхлест бедрами, тем больше девушек падало в обмороки на его концертах, в то время как ярым поклонникам «белых» мелодий зачастую оставалось лишь да-вать от злобы. Да отлеле-вать в танцплощадке, где не на есть черные танцы. На черный манер.

Рок-н-ролл? Чернее не бывает. Если не верите мне, то спросите у монстров жанра. Как, например, познакомились Кит Ричардс (Keith Richards) и Мик Джаггер (Mick Jagger)? На пригородной платформе без пригори Ричардс (тогда еще мо-

фильма «Trainspotting», — и вы услышите бой жертвенного барабана пимийского племени. Пимей вряд ли, конечно, знаком с техно, но все же именно под его звуки они permanently ноют в религиозном экстазе. Как, впрочем, и слушатели Underworld. Рейвы, кстати, тоже очень похожи на племенные сходки, просто музыка в данном случае сама является религией. Палаомники валят и заходятся в транс не хуже тех, кто им ростом по росту.

Фанк? Где бы сегодня были всякие Jamiroquai, если бы не черные парни типа Джеймса Брауна (James Brown). «Say it loud, I'm black and I'm proud» («громко скажи: я черный и горд этим»), — пол Браун. Ни, как водится, крутил-вертел ножками. Белые девушки сопротивлялись недолго. Джаз? Майлз (Miles Davis), наше все, придумал весь джаз — от квадратного до авангарда. Блюз? Его родил на стремном захолустном перекрестке Роберт Джонсон (Robert Johnson). Говорят, что роды принимал сам сатана. В начале XX века. Века черной музыки.

Коллекция постеров и рам

Постер Андрея Логина за 1500 Р.

ОБРАМИ

«ПОВЕШЬ

Сеть галерей:

Тверская

Петровский Пассаж

Крокус-Сити

Митино

Жулебино

Телефон 250-31-31